

— Это половина противоядия. Но вторую половину я, увы, не в силах достать. Сяо Цянь, теперь мы с тобой квиты. Никто никому ничего не должен.

С этими словами он вытащил из-за пазухи Сяо Цяня счетную книгу и золотую шпильку, затем выпрыгнул в окно.

Мэн Кэ, с трудом пробившись внутрь, увидел Сяо Цяня, лежащего у кровати в луже крови, и в ужасе закричал:

— Скорее! Позовите лекаря Чжана!

Но за дверью нашелся тот, кто волновался еще больше:

— Брат! Брат, что с тобой?

Мэн Кэ не успел опомниться, как тот человек оттолкнул его, ворвался в комнату и подхватил Сяо Цяня.

Тот уже едва дышал, лишь слабо улыбнулся и прошептал:

— Ачжу, ты пришел...

И с этими словами окончательно потерял сознание в его объятиях.

***

Сяо И и представить не мог, что спустя столько лет яд гу королевского клана Эрхая вновь даст о себе знать. Выслушав переданное лекарями описание пульса, он все понял. В свое время Гу Чжао во главе войска истребил под корень весь род эрхайских правителей, не оставив в живых даже новорожденных. Он никак не мог взять в толк, откуда взялись выжившие.

Вред от гу был велик, но, судя по описанию, Сяо Цянь поражен не чистой формой гу, а неким гибридом яда и гу, лишенным разрушительной силы настоящего гу. Тем не менее он повелел оставить Сяо Цяня в Личжоу на лечение и продолжить наблюдение.

Сяо Цяня поместили в глухом лесном урочище, где царил полная тишина. О гу не проронили ни слова, так что внешний мир полагал, будто Сяо Цянь просто захворал и отдыхает.

Сяо Чэн, проезжавший через Личжоу с обозом зерна, пожелал навестить его лично, но был остановлен. Заподозрив неладное, он велел людям навести справки, но безрезультатно. Тогда он день за днем караулил у опушки леса и в конце концов перехватил одно письмо. Из туманных выражений в письме он заключил, что Сяо Цянь отравлен. Увы, письмо было составлено столь витиевато, что больше ничего выяснить не удалось.

В тот день, когда Сяо Цянь отравился и потерял сознание, Мэн Кэ отправил в столицу несколько писем, но все они были перехвачены наложницей Шу Цзи и не дошли до Сяо Цзюэ. Лишь когда гонец доложил Сяо И, Сяо Цзюэ наконец узнал о случившемся.

Сяо Цзюэ, снедаемый тревогой, уже собрался было выехать к Сяо Цяню, но вовремя получил от него собственноручное письмо, где тот уверял, что все в порядке. Последующие два месяца приходили почти исключительно подобные успокоительные письма, и содержание их в целом совпадало с тем, что говорил император: мол, не переносит местный климат, болезнь затяжная, нужен покой, потому и задержался в Личжоу.

Писем от Сяо Цянтя становилось все меньше, и тревога Сяо Цзюэ росла. Он вновь и вновь перечитывал старые, утоляя тоску. И вот однажды ночью, развернув очередное послание, он вдруг почувствовал неладное. Почерк, безусловно, был сяоцяньёвский, и стиль подражал ему, но при внимательном взгляде становилось ясно: письмо это писал не он.

Он ударил кулаком по столу и направился напрямик во дворец Хранения Изыщества, невзирая на то, что наложница Шу Цзи как раз собиралась распустить волосы и отойти ко сну.

Та недовольно молвила:

— Цзюэ, как ты взрослеешь, так и воспитанность теряешь? Как смеешь врывать в покои матери без спроса?

Сяо Цзюэ швырнул письмо на пол:

— Эти письма брат мне не писал. Матушка, это ты велела их подделать. Так?

Наложница Шу Цзи, услышав это, даже не удивилась, лишь усмехнулась:

— О, обнаружил? Зорек же ты, сынок. Жаль только, что всю свою проницательность ты расточаешь на ничтожество.

Сяо Цзюэ уловил в ее словах недоброе и спросил:

— Почему брат — ничтожество? Матушка, скажи мне правду: что ты с ним сделала?

— Он отбыл в Цзяннань странствовать, а я здесь, в глубине дворца. Моя рука не так длинна.

— Матушка, не морочь мне голову. «Приближающийся Цветок» ведаёт разведкой, «Сломанный Цветок» — убийствами. Им ничего не стоит дотянуться до брата.

— Цзюэ, нельзя никому доверять без остатка. Твой брат, хоть и твердил, что едет в Цзяннань проверить счета банка «Тунцзи», главную книгу всегда держал при себе, не доверяя двум приказным. Он тоже императорской крови. Кто знает, что у него на уме? С чего бы это он стал добровольно отдавать тебе книги? А вдруг все эти годы он лишь притворялся, и даже ваша связь — часть его подлого плана?

— Я знаю, что у брата на уме. Не изволь беспокоиться, матушка.

— Как ты смеешь! Это какое же поведение?

Сяо Цзюэ опустился на колени:

— Матушка, скажи мне правду: что с братом?

— Ничего. Успокойся, я не отниму у него жизнь.

— В таком случае я намерен лично отправиться в Личжоу, чтобы навестить его. Лишь тогда успокоюсь. Прошу твоего соизволения.

Наложница Шу Цзи фыркнула:

— Не соизволяю.

Сяо Цзюэ выхватил кинжал и приставил к горлу:

— Если не соизволишь, я умру здесь и сейчас.

— Посмеешь!

— Если с братом что-то случится, клянусь, на дело пойду и похлеще!

— Что, ради него на матереубийство решишься?

— На такое не решусь. Но ради него последовать примеру Нэчжа — вернуть кости отцу, а плоть матери — отчего же нет?

— Замолчи! Ты вообще меня за мать считаешь?

— Если брат будет жив и невредим — безусловно.

— Ты... Как ты смеешь такое говорить! — Наложница Шу Цзи не сдержала слез.

— Матушка, умоляю, уступи мне.

Та, вне себя от ярости, прошипела:

— Слушай же! Если ты сегодня поедешь, то лишь в последний раз его увидишь. Если останешься — у него еще есть шанс выкарабкаться.

Сяо Цзюэ остолбенел:

— Матушка... Значит, ты признаешь, что на него покушались твои люди?

— Да. Он свел счеты. Как только головорезы из «Сломанного Цветка» по моему знаку отнимут у него золотую шпильку и книги, он станет бесполезен.

— Значит, с самого начала ты просто использовала его?

— Разумеется. Иначе с чего бы я стала терпеть его присутствие с тобой, позорящее дворец?

— Ха-ха-ха... Позорящее дворец? Матушка, скажи мне, какой яд ты применила? Я только что прикончил нескольких твоих прихвостней, чтобы найти письма, что ты утаила. Что там сказано про яд?

— Убей меня — все равно не скажу.

— Я дни считал. В тот день, когда брат отравился, я тоже недомогал. Когда весть о его болезни дошла до меня, я заподозрил неладное. Скажи, почему?

Наложница Шу Цзи холодно усмехнулась:

— Лишних вопросов не задавай. Скажу прямо: если ты выедешь из дворца ему навстречу — ему конец.

— Матушка, и ты думаешь, я тебе теперь поверю? Ты никогда не оставила бы его в живых, ведь так?

— Да!

Наложница Шу Цзи, скрежеща зубами, прошипела:

— Я бы стерла его в прах, лишь бы утолить ненависть!

— Что бы ни было, я должен его увидеть. Даже если умру в Личжоу — не пожалею.

***

Выйдя из дворца Хранения Изыщества, Сяо Цзюэ вернулся к себе и стал готовиться к отъезду. Он уже все приготовил и собирался тайно покинуть дворец, когда доложили, что Сяо Лян явился во дворец и просит аудиенции.

Пришлось принять. Сяо Лян отвел его в сторону и сказал:

— Пятый брат, я испросил у отца дозволения навестить старшего брата. Он разрешил. Подумал, тебе, наверное, беспокойно. Если есть письма или что передать — я доставлю.

Сяо Цзюэ уставился на него. Станный вопрос. Неужели Сяо Лян уже прознал про него и брата? Но нет, они всегда были осторожны, вряд ли.

Сяо Лян, видя его остолбенение, спросил:

— Пятый брат, что с тобой? Не доверяешь седьмому брату?

Сяо Цзюэ, снедаемый тревогой за Сяо Цянтя, отбросил сомнения:

— Есть кое-что, что я хотел бы ему передать. Боюсь только... что ты не согласишься.

Сяо Лян удивился:

— Я ведь затем и пришел. Почему бы мне не согласиться? Пятый брат, говори, что передать.

Сяо Цзюэ улыбнулся и ткнул пальцем в свою грудь:

— Меня самого.

Воцарилось молчание. Спустя долгий миг Сяо Лян наконец спросил:

— Пятый брат, если ты не шутишь... что ж, седьмой брат сделает, что сможет. Но если отец гневаться станет — ты за меня отдувайся. А то невыгодная это для меня сделка.

Сяо Цзюэ не мог не рассмеяться:

— Обязательно.

<http://bllate.org/book/15946/1425756>